

Именем
Российской Федерации

ПОСТАНОВЛЕНИЕ КОНСТИТУЦИОННОГО СУДА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

по делу о проверке конституционности пункта 12 статьи 25
Федерального закона «О безопасности дорожного движения» в
связи с жалобой гражданина Шахова Сергея Владимировича

город Санкт-Петербург

7 апреля 2026 года

Конституционный Суд Российской Федерации в составе Председателя
В.Д.Зорькина, судей А.Ю.Бушева, Л.М.Жарковой, К.Б.Калиновского,
С.Д.Князева, А.Н.Кокотова, А.В.Коновалова, М.Б.Лобова, В.А.Сивицкого,
Е.В.Тарибо,

руководствуясь статьей 125 (пункт «а» части 4) Конституции Российской
Федерации, пунктом 3 части первой, частями третьей и четвертой статьи 3,
частью первой статьи 21, статьями 36, 47¹, 74, 86, 96, 97 и 99 Федерального
конституционного закона «О Конституционном Суде Российской Федерации»,

рассмотрел в заседании без проведения слушания дело о проверке
конституционности пункта 12 статьи 25 Федерального закона «О
безопасности дорожного движения».

Поводом к рассмотрению дела явилась жалоба гражданина
С.В.Шахова. Основанием к рассмотрению дела явилась обнаружившаяся
неопределенность в вопросе о том, соответствует ли Конституции
Российской Федерации оспариваемое заявителем законоположение.

Заслушав сообщение судьи-докладчика А.Н.Кокотова, исследовав представленные документы и иные материалы, Конституционный Суд Российской Федерации

у с т а н о в и л :

1. Гражданин С.В.Шахов оспаривает конституционность пункта 12 статьи 25 Федерального закона от 10 декабря 1995 года № 196-ФЗ «О безопасности дорожного движения», которым, в частности, установлено, что граждане Российской Федерации допускаются к управлению транспортными средствами на территории Российской Федерации на основании российских национальных водительских удостоверений, а при отсутствии таковых – на основании иностранных национальных водительских удостоверений в течение срока, установленного пунктом 12¹ данной статьи, и при соблюдении условий и ограничений, указанных в пунктах 12¹, 13, 15 и 16 этой статьи.

1.1. Как следует из представленных материалов, постановлением должностного лица ГИБДД УМВД России по городу Архангельску от 15 августа 2019 года С.В.Шахов был признан виновным в совершении правонарушения, предусмотренного частью 1 статьи 12.7 «Управление транспортным средством водителем, не имеющим права управления транспортным средством» КоАП Российской Федерации, и подвергнут административному наказанию в виде административного штрафа.

Решением судьи Ломоносовского районного суда города Архангельска от 30 сентября 2019 года указанное постановление оставлено без изменения. Судья признал несостоятельными доводы С.В.Шахова о необоснованном привлечении его к административной ответственности, указав, что тот в нарушение требований Федерального закона «О безопасности дорожного движения» управлял транспортным средством, имея лишь действительное иностранное национальное водительское удостоверение, выданное в Эстонской Республике, а срок действия российского национального водительского удостоверения С.В.Шахова истек в 2004 году. С этим согласились судьи вышестоящих инстанций (решение судьи Архангельского

областного суда от 12 декабря 2019 года, постановление судьи Третьего кассационного суда общей юрисдикции от 9 июля 2020 года и постановление судьи Верховного Суда Российской Федерации от 6 февраля 2025 года).

Ссылаясь на пункт 12 статьи 25 Федерального закона «О безопасности дорожного движения» в редакции, действовавшей до вступления в силу 1 апреля 2024 года Федерального закона от 10 июля 2023 года № 313-ФЗ «О внесении изменений в статьи 25 и 26 Федерального закона «О безопасности дорожного движения», а также на подпункт «b» пункта 2 статьи 41 Конвенции о дорожном движении (заключена в Вене 8 ноября 1968 года; далее также – Конвенция), судьи пришли к выводу, что управление в Российской Федерации транспортными средствами на основании действительных иностранных национальных водительских удостоверений допустимо только для иностранных граждан, постоянно или временно проживающих либо временно пребывающих на территории Российской Федерации, тогда как С.В.Шахов на момент привлечения к административной ответственности являлся гражданином Российской Федерации, постоянно проживая в Эстонской Республике на основании вида на жительство.

По мнению заявителя, оспариваемое законоположение не соответствует статьям 2, 6, 15 (части 1 и 4), 17–19, 27, 35 (части 1 и 2), 49, 55 и 62 Конституции Российской Федерации в той мере, в какой оно позволяет привлекать гражданина Российской Федерации, постоянно проживающего за рубежом, временно въехавшего в Российскую Федерацию, к административной ответственности по части 1 статьи 12.7 КоАП Российской Федерации, притом что он имеет действительное национальное водительское удостоверение, выданное ему в государстве – участнике Конвенции, в котором он проживает постоянно на законных основаниях.

1.2. В соответствии с положениями частей второй и третьей статьи 74 Федерального конституционного закона «О Конституционном Суде Российской Федерации» Конституционный Суд Российской Федерации принимает решение по делу, оценивая как буквальный смысл

рассматриваемого нормативного положения, так и смысл, придаваемый ему сложившейся правоприменительной практикой, а также исходя из его места в системе правовых норм, и выносит постановление только по предмету, указанному в обращении, и лишь в отношении той части акта, конституционность которой подвергает сомнению заявитель; при этом Конституционный Суд Российской Федерации не связан основаниями и доводами, изложенными в обращении.

Как усматривается из обстоятельств дела С.В.Шахова, вопрос о законности и обоснованности привлечения его к административной ответственности был разрешен судьями на основании пункта 12 статьи 25 Федерального закона «О безопасности дорожного движения» в редакции, утратившей силу с 1 апреля 2024 года. Данная редакция устанавливала, что лица, постоянно или временно проживающие либо временно пребывающие на территории Российской Федерации, допускаются к управлению транспортными средствами на основании российских национальных водительских удостоверений, а при отсутствии таковых – на основании иностранных национальных или международных водительских удостоверений при соблюдении ограничений, указанных в пункте 13 этой же статьи.

Сопоставление прежней и ныне действующей редакций пункта 12 статьи 25 Федерального закона «О безопасности дорожного движения» показывает, что они применительно к гражданину Российской Федерации, постоянно на законных основаниях проживающему в иностранном государстве – участнике Конвенции о дорожном движении и временно въехавшему в Российскую Федерацию, содержат однотипное регулирование, а новая редакция лишь уточняет содержание прежней, не меняя ее принципиального содержания. При этом согласно новой редакции в единстве с пунктом 12¹ указанной статьи управление таким гражданином транспортным средством на территории Российской Федерации на основании иностранного национального водительского удостоверения допустимо в течение одного года с даты его первого после получения иностранного

национального водительского удостоверения въезда в Российскую Федерацию (за исключением национального водительского удостоверения, выданного гражданину Российской Федерации в Республике Беларусь).

Поскольку сфера действия новой редакции пункта 12 статьи 25 Федерального закона «О безопасности дорожного движения» определена законодателем лишь общим образом, вопрос о том, распространяется ли она – и если да, то в какой мере – на допуск к управлению транспортным средством в Российской Федерации ее гражданина, постоянно на законных основаниях проживающего в иностранном государстве – участника Конвенции о дорожном движении и временно въехавшего в Российскую Федерацию, имеет конституционное значение, как затрагивающий реализацию конституционных прав и свобод граждан, и, следовательно, требует проверки на предмет ее соответствия Конституции Российской Федерации.

Новая редакция пункта 12 статьи 25 Федерального закона «О безопасности дорожного движения» также обуславливает право управления транспортным средством соблюдением определенных условий и ограничений (указаны в пунктах 12¹, 13, 15 и 16 статьи 25 Федерального закона «О безопасности дорожного движения»). Вместе с тем эти условия и ограничения не претерпели существенных изменений со времени привлечения заявителя к административной ответственности, в его деле не применялись и им не оспариваются.

В силу этого с учетом предписаний статей 36, 74, 96 и 97 Федерального конституционного закона «О Конституционном Суде Российской Федерации» пункт 12 статьи 25 Федерального закона «О безопасности дорожного движения» является предметом рассмотрения Конституционного Суда Российской Федерации по настоящему делу в той мере, в какой он как в прежней, так и в ныне действующей редакции выступает правовым основанием для решения вопроса о допуске гражданина Российской Федерации, постоянно на законных основаниях проживающего в иностранном государстве – участника Конвенции о дорожном движении и

временно въехавшего в Российскую Федерацию, к управлению транспортным средством на ее территории на основании иностранного национального водительского удостоверения, выданного уполномоченным органом государства – участника Конвенции о дорожном движении (за исключением национального водительского удостоверения, выданного гражданину Российской Федерации в Республике Беларусь), при соблюдении иных условий для указанного допуска.

2. Право граждан участвовать в дорожном движении, управляя транспортными средствами, является значимой для них конкретизацией конституционных прав и выступает одним из возможных способов их реализации, в том числе прав свободно передвигаться по территории Российской Федерации, свободно выезжать за ее пределы и беспрепятственно возвращаться в Россию, свободно владеть и пользоваться своим имуществом, распоряжаться своими способностями к труду, выбирать род деятельности и профессию (статья 27; статья 35, часть 2; статья 37, часть 1, Конституции Российской Федерации). Поскольку Россия – демократическое правовое государство, в котором высшей ценностью являются человек, его права и свободы, определяющие смысл, содержание и применение законов, а основополагающей обязанностью государства является признание, соблюдение и защита прав и свобод человека и гражданина (статьи 1, 2 и 18 Конституции Российской Федерации), нормативное регулирование участия граждан в дорожном движении не должно отменять или каким-либо образом умалять конституционные права и свободы человека и гражданина, а также произвольно препятствовать их реализации.

При этом законодатель в целях защиты прав и свобод граждан, обеспечения равенства, законности, правопорядка, а также в иных конституционно одобряемых целях не только вправе, но и, как следует из положений статей 15 (часть 2), 19 (части 1 и 2), 45 (часть 1), 71 (пункты «а», «в», «и»), 72 (пункты «б», «к» части 1) и 76 (части 1 и 2) Конституции Российской Федерации, обязан использовать все доступные ему в рамках его

правотворческих полномочий средства, призванные способствовать безопасности дорожного движения, включая установление правил допуска к участию в дорожном движении на территории страны. В частности, как неоднократно указывал Конституционный Суд Российской Федерации, государство в лице своих органов власти, действующих на основании закона, обязано устанавливать определенные требования, лишь при соблюдении которых гражданин вправе управлять транспортным средством, являющимся источником повышенной опасности. Это согласуется со статьей 17 (часть 3) Конституции Российской Федерации, предусматривающей, что осуществление прав и свобод человека и гражданина не должно нарушать права и свободы других лиц (определения от 8 июля 1999 года № 118-О, от 24 июня 2021 года № 1162-О и др.).

Законодатель, устанавливая правила допуска к участию в дорожном движении на территории страны, должен исходить из того, что публичные интересы, перечисленные в статье 55 (часть 3) Конституции Российской Федерации, оправдывают ограничения прав и свобод, только если такие ограничения адекватны социально необходимому результату и, не будучи чрезмерными, строго обусловлены этими публичными интересами. При этом должны использоваться лишь те правовые средства, которые для конкретной правоприменительной ситуации исключают несоразмерное ограничение прав и свобод. Особые требования предъявляются к качеству законов, опосредующих отношения граждан с публичной властью, а цели одной только рациональной организации деятельности органов власти не могут служить основанием для ограничения прав и свобод. В любом случае законодателем также должны соблюдаться вытекающие из принципов правового государства, равенства и справедливости требования определенности, ясности и недвусмысленности правовой нормы, ее согласованности с системой действующего регулирования (постановления Конституционного Суда Российской Федерации от 9 июля 2021 года № 34-П, от 9 ноября 2021 года № 47-П, от 27 октября 2022 года № 46-П и др.). В частности, объективно необходимая дифференциация порядка допуска к

управлению транспортными средствами должна производиться, как это вытекает из статей 7, 19 (части 1 и 2) и 55 (часть 3) Конституции Российской Федерации, на основе указанных принципов, притом что различия в условиях реализации отдельными категориями граждан того или иного права не должны быть произвольными и допустимы лишь тогда, когда они обоснованны и преследуют конституционно значимые цели, а используемые для достижения этих целей правовые средства соразмерны им (постановления Конституционного Суда Российской Федерации от 17 марта 2022 года № 11-П, от 31 мая 2022 года № 22-П, от 12 октября 2023 года № 47-П и др.).

3. Пункт 12 статьи 25 Федерального закона «О безопасности дорожного движения» в примененной в деле заявителя редакции ранее уже являлся предметом рассмотрения Конституционного Суда Российской Федерации. В его Постановлении от 27 октября 2022 года № 46-П данная норма была признана не соответствующей Конституции Российской Федерации в той мере, в какой она по смыслу, придаваемому ей правоприменительной практикой, и при отсутствии в системе действующего регулирования прямого нормативного указания на обязанность гражданина Российской Федерации обменять в связи с переездом на постоянное место жительства в Российскую Федерацию его действительное иностранное национальное водительское удостоверение, выданное в другом государстве – участнике Конвенции о дорожном движении в бытность его гражданином этого государства, на российское национальное водительское удостоверение, а также при отсутствии указания на срок такого обмена позволяла применять к этому гражданину неблагоприятные административные последствия ввиду неосуществления такого обмена, в том числе привлекать его к административной ответственности за управление транспортным средством водителем, не имеющим права управления транспортным средством (статья 12.7 КоАП Российской Федерации).

Хотя в указанном Постановлении был разрешен только вопрос о порядке допуска к управлению транспортным средством гражданина

Российской Федерации, постоянно проживающего в Российской Федерации, на основании иностранного национального водительского удостоверения, действительного и выданного ему в другом государстве в бытность его гражданином этого государства, сделанные в нем выводы, в том числе в части толкования положений национального законодательства и международных правовых актов, и сформулированные правовые позиции в силу своего общего (универсального) характера применимы и в случае решения вопроса о возможности допуска в Российской Федерации к управлению транспортным средством на основании иностранного национального водительского удостоверения временно въехавшего в Российскую Федерацию гражданина Российской Федерации, постоянно на законных основаниях проживающего в иностранном государстве – участнике Конвенции о дорожном движении.

В данном Постановлении Конституционный Суд Российской Федерации отметил, что согласованность конституционных прав граждан с правами и законными интересами других лиц, прежде всего иных участников дорожного движения, как и с конституционными ценностями охраны жизни, здоровья и имущества граждан на дорогах, составляющими публичный интерес общества и государства, обеспечивается, в частности, унификацией законодательства о безопасности дорожного движения разных стран на основе Конвенции о дорожном движении (статья 15, часть 4, Конституции Российской Федерации), в том числе в части правил допуска водителей к участию в дорожном движении.

В этой связи пункт 1 статьи 32 Федерального закона «О безопасности дорожного движения», конкретизируя положения Конституции Российской Федерации, закрепляет правило, в силу которого если международным договором Российской Федерации установлены иные правила, чем предусмотренные данным Федеральным законом, то применяются правила международного договора.

Подпункт «b» пункта 2 статьи 41 Конвенции о дорожном движении (в редакции Поправок к ней от 28 сентября 2004 года), участником которой

является Российская Федерация в качестве правопреемника Союза ССР, ратифицировавшего ее 29 апреля 1974 года, определяет, что водительские удостоверения, выданные одной договаривающейся стороной, должны признаваться на территории другой договаривающейся стороны до момента, с которого данная территория становится обычным местом жительства владельца удостоверения.

Конституционный Суд Российской Федерации в связи с этим подчеркнул возможность понимания указанного положения Конвенции как устанавливающего в интересах граждан позитивную обязанность государства признавать действительными иностранные водительские удостоверения хотя бы до момента, когда страна станет обычным местом жительства их обладателей (Постановление от 27 октября 2022 года № 46-П), а потому из подпункта «b» пункта 2 статьи 41 Конвенции о дорожном движении, таким образом, следует, что Российская Федерация может признавать недействительными национальные или международные водительские удостоверения лиц, переехавших на постоянное место жительства на ее территорию, при условии установления разумного срока, в течение которого лицо может быть допущено к участию в дорожном движении в Российской Федерации. Вместе с тем в силу общего правила, установленного подпунктом «a(i)» пункта 2 статьи 41 Конвенции о дорожном движении, государства – участники Конвенции в иных случаях, помимо допускаемых пунктом 6 указанной статьи, обязаны признавать в качестве действительных любые национальные водительские удостоверения, соответствующие предписаниям Приложения 6 к Конвенции.

Тем самым Конвенция о дорожном движении предполагает, что если нахождение лица на территории одного из государств – участников Конвенции обусловлено не его постоянным проживанием на этой территории, а иными обстоятельствами, то оно может быть допущено к управлению транспортным средством на основании национального или международного водительского удостоверения, выданного на территории другой договаривающейся стороны. С учетом подобного механизма

регулирования пунктом 5 Приложения 6 к Конвенции оговорена возможность указания в национальном водительском удостоверении в качестве дополнительных сведений информации о месте жительства их владельца.

В связи с изложенным гражданин Российской Федерации на основании ранее действовавшей редакции пункта 12 статьи 25 Федерального закона «О безопасности дорожного движения» при ее толковании во взаимосвязи с Конвенцией о дорожном движении мог быть допущен к управлению транспортным средством на территории Российской Федерации при временном въезде в Российскую Федерацию на основании иностранного национального водительского удостоверения при условии, что Российская Федерация не являлась местом его постоянного жительства, а управление транспортным средством не было сопряжено с осуществлением предпринимательской и трудовой деятельности, непосредственно связанной с управлением им (пункт 13 статьи 25 Федерального закона «О безопасности дорожного движения»).

При этом из места пункта 12 статьи 25 Федерального закона «О безопасности дорожного движения» в системе иных норм данного Федерального закона следует, что при формулировании названной нормы воля законодателя не была направлена на исключение из сферы ее действия граждан Российской Федерации (в отличие от этого, в частности, в пункте 14 статьи 25 законодатель прямо указал на возможность его применения только к лицам, являющимся иностранными гражданами). Тем самым данное законоположение, по существу, служило целям гармонизации предписаний российского законодательства и положений Конвенции о дорожном движении, на что, согласно пояснительной записке к законопроекту (ставшему впоследствии Федеральным законом от 7 мая 2013 года № 92-ФЗ), был направлен закон, которым оно было введено.

4. В то же время правоприменительная, в том числе судебная, практика была основана на ином толковании ранее действовавшей редакции пункта 12 статьи 25 Федерального закона «О безопасности дорожного движения».

Указание в данной норме на постоянное или временное проживание и временное пребывание на территории Российской Федерации понималось правоприменительными органами в значении, которое устанавливается для этих понятий Федеральным законом от 25 июля 2002 года № 115-ФЗ «О правовом положении иностранных граждан в Российской Федерации», т.е. как распространяющееся только на иностранных граждан, несмотря на отсутствие в оспариваемой норме такого ограничения сферы ее действия, и тем самым служило основанием для вывода о том, что граждане Российской Федерации могут быть допущены к управлению транспортными средствами на территории Российской Федерации только на основании российских национальных водительских удостоверений (постановления судей Верховного Суда Российской Федерации от 27 декабря 2018 года № 38-АД18-8, от 9 декабря 2020 года № 31-АД20-6 и др.).

Федеральным законом от 10 июля 2023 года № 313-ФЗ пункт 12 статьи 25 Федерального закона «О безопасности дорожного движения» изложен в новой редакции, прямо предусматривающей возможность допуска граждан Российской Федерации к управлению транспортными средствами на территории Российской Федерации на основании иностранных национальных водительских удостоверений, но только в течение определенного срока – одного года с даты первого после получения иностранного национального водительского удостоверения въезда в Российскую Федерацию (за исключением национальных водительских удостоверений, выданных в Республике Беларусь, имеющих у граждан Российской Федерации и граждан Республики Беларусь, получивших вид на жительство в Российской Федерации) (пункты 12 и 12¹ статьи 25 Федерального закона «О безопасности дорожного движения»).

Этим изменением законодательства, хотя и преследовавшим иные цели, в определенной степени был преодолен занимаемый правоприменителями, в том числе в деле заявителя, подход относительно условий допуска граждан Российской Федерации, постоянно на законных основаниях проживающих в иностранном государстве – участнике

Конвенции о дорожном движении, к управлению транспортными средствами на территории Российской Федерации на основании иностранных национальных водительских удостоверений, не сопряженному с осуществлением предпринимательской и трудовой деятельности, непосредственно связанной с управлением транспортными средствами, в период их временного пребывания в Российской Федерации.

Однако в силу буквального смысла действующей с 1 апреля 2024 года редакции пункта 12 статьи 25 Федерального закона «О безопасности дорожного движения» временный въезд в Российскую Федерацию гражданина Российской Федерации, постоянно на законных основаниях проживающего в иностранном государстве – участнике Конвенции о дорожном движении, не вызванный переносом в Российскую Федерацию места его постоянного жительства, влечет начало течения с момента такого въезда годичного срока, по истечении которого этот гражданин утрачивает право быть допущенным к управлению транспортным средством на основании иностранного национального водительского удостоверения на ее территории.

При этом в данном механизме не учитывается возможность выезда такого гражданина с территории Российской Федерации до момента, когда она станет местом его постоянного жительства, а потому он вступает в противоречие как с положениями Конвенции о дорожном движении, связывающими утрату указанного права именно с переносом лицом своего постоянного места жительства между территориями государств – участников Конвенции, так и с положениями Конституции Российской Федерации, поскольку не обеспечивает непротиворечивости регулирования отношений, связанных с допуском к участию в дорожном движении на территории Российской Федерации, а также стабильности, определенности и предсказуемости правового статуса участников дорожного движения (статьи 2, 8; статья 19, часть 1, Конституции Российской Федерации).

Кроме того, из принципа юридического равенства вытекает требование, в силу которого однородные по своей юридической природе

отношения должны регулироваться одинаковым образом. Соблюдение конституционного принципа равенства, гарантирующего защиту от всех форм дискриминации при осуществлении прав и свобод, означает, помимо прочего, запрет вводить такие ограничения в правах лиц, принадлежащих к одной категории, которые не имеют объективного и разумного оправдания (запрет различного обращения с лицами, находящимися в одинаковых или сходных ситуациях) (постановления Конституционного Суда Российской Федерации от 1 июня 2021 года № 25-П, от 20 января 2023 года № 3-П и др.).

При этом как прежняя, так и действующая редакции пункта 12 статьи 25 Федерального закона «О безопасности дорожного движения» позволяют иностранным гражданам управлять транспортными средствами на территории Российской Федерации на основании иностранных национальных водительских удостоверений без ограничения срока их действия (за исключением случая получения иностранным гражданином вида на жительство в Российской Федерации). В этой связи требование для граждан Российской Федерации, постоянно на законных основаниях проживающих в иностранном государстве – участнике Конвенции о дорожном движении и временно въехавших в Российскую Федерацию, осуществлять управление транспортными средствами на территории Российской Федерации лишь при наличии российских национальных водительских удостоверений ставит их в худшее правовое положение в сравнении с иностранными гражданами, чья интенсивность участия в дорожном движении при их, в частности, временном проживании на территории Российской Федерации может быть значительно выше, что входит в противоречие с конституционным принципом равенства (статья 19, части 1 и 2, Конституции Российской Федерации).

Следовательно, пункт 12 статьи 25 Федерального закона «О безопасности дорожного движения» как в прежней, так и действующей редакциях не обеспечивает учета особенностей правового положения, в том числе в соответствии с Конвенцией о дорожном движении, гражданина Российской Федерации, постоянно на законных основаниях проживающего в

иностранном государстве – участнике Конвенции и имеющего иностранное национальное водительское удостоверение, выданное этим государством или иным государством – участником Конвенции, в период его временного нахождения на территории Российской Федерации, что приводит к недопустимому ограничению реализации конституционных прав такого гражданина, в том числе предусмотренных статьей 27 Конституции Российской Федерации, а также к возможности произвольного привлечения его к публично-правовой ответственности, что несовместимо с конституционными принципами равенства и справедливости, из которых вытекает обращенное к законодателю требование определенности, ясности, недвусмысленности правовых норм и их согласованности в системе действующего правового регулирования (статья 19, части 1 и 2; статья 55, часть 3, Конституции Российской Федерации).

5. Таким образом, пункт 12 статьи 25 Федерального закона «О безопасности дорожного движения» не соответствует Конституции Российской Федерации, ее статьям 15 (часть 4), 19 (части 1 и 2), 27 и 55 (часть 3), в той мере, в какой он, рассматриваемый в системе действующего правового регулирования, позволяет – с учетом смысла, придаваемого правоприменительной практикой его утратившей силу редакции, и распространения его действующей редакцией установленного пунктом 12¹ данной статьи пресекательного срока действия иностранных национальных водительских удостоверений в Российской Федерации на иностранное национальное водительское удостоверение, выданное гражданину Российской Федерации в иностранном государстве – участнике Конвенции о дорожном движении, в котором он постоянно на законных основаниях проживает, или в ином государстве – участнике Конвенции, – не допускать такого гражданина к управлению транспортным средством на основании названного водительского удостоверения (за исключением национального водительского удостоверения, выданного гражданину Российской Федерации в Республике Беларусь) в период его временного нахождения в Российской Федерации при соблюдении других условий для указанного допуска.

Конвенция о дорожном движении при этом не раскрывает для целей своего применения смысл, вкладываемый в понятие обычного места жительства, с наличием которого на территории государства – участника Конвенции ее статья 41 связывает исчерпание возможности использовать национальное водительское удостоверение, выданное другим государством. Российское законодательство также не определяет условий, при наличии которых в целях применения Конвенции пребывание в Российской Федерации гражданина Российской Федерации, постоянно на законных основаниях проживающего в иностранном государстве, может рассматриваться как временное и, соответственно, когда возникают основания считать его постоянно проживающим в Российской Федерации.

Определение как указанных, так и иных условий допуска граждан Российской Федерации к управлению транспортными средствами на территории Российской Федерации на основании иностранных национальных водительских удостоверений относится к полномочиям федерального законодателя, в силу чего ему надлежит, руководствуясь Конституцией Российской Федерации и учитывая правовые позиции Конституционного Суда Российской Федерации, выраженные в настоящем Постановлении, внести в действующее правовое регулирование необходимые изменения, вытекающие из настоящего Постановления.

Впредь до внесения в законодательство надлежащих изменений граждан Российской Федерации, постоянно на законных основаниях проживающий в иностранном государстве – участнике Конвенции о дорожном движении, вправе управлять транспортным средством в Российской Федерации – при отсутствии иных предусмотренных правовым регулированием препятствий для допуска к такому управлению – на основании его действительного иностранного национального водительского удостоверения, выданного уполномоченным органом государства – участника Конвенции о дорожном движении, без учета истечения годичного срока с даты первого после получения иностранного национального водительского удостоверения въезда его в Российскую Федерацию, если (за

исключением случая, когда национальное водительское удостоверение выдано гражданину Российской Федерации в Республике Беларусь) уполномоченными органами не будет установлен факт его нахождения в Российской Федерации не менее 183 календарных дней в течение 12 месяцев подряд.

Исходя из изложенного и руководствуясь статьями 6, 47¹, 71, 72, 74, 75, 78, 79, 80 и 100 Федерального конституционного закона «О Конституционном Суде Российской Федерации», Конституционный Суд Российской Федерации

п о с т а н о в и л :

1. Признать пункт 12 статьи 25 Федерального закона «О безопасности дорожного движения» не соответствующим Конституции Российской Федерации, ее статьям 15 (часть 4), 19 (части 1 и 2), 27 и 55 (часть 3), в той мере, в какой он, рассматриваемый в системе действующего правового регулирования, позволяет – с учетом смысла, придаваемого правоприменительной практикой его утратившей силу редакции, и распространения его действующей редакцией установленного пунктом 12¹ данной статьи пресекательного срока действия иностранных национальных водительских удостоверений в Российской Федерации на иностранное национальное водительское удостоверение, выданное гражданину Российской Федерации в иностранном государстве – участнике Конвенции о дорожном движении, в котором он постоянно на законных основаниях проживает, или в ином государстве – участнике Конвенции, – не допускать такого гражданина к управлению транспортным средством на основании названного водительского удостоверения (за исключением национального водительского удостоверения, выданного гражданину Российской Федерации в Республике Беларусь) в период его временного нахождения в Российской Федерации при соблюдении других условий для указанного допуска.

2. Федеральному законодателю надлежит – исходя из требований Конституции Российской Федерации и с учетом выраженных в настоящем Постановлении правовых позиций – внести в законодательство необходимые изменения.

Впредь до внесения в законодательство надлежащих изменений гражданин Российской Федерации, постоянно на законных основаниях проживающий в иностранном государстве – участнике Конвенции о дорожном движении, вправе управлять транспортным средством в Российской Федерации – при отсутствии иных предусмотренных правовым регулированием препятствий для допуска к такому управлению – на основании его действительного иностранного национального водительского удостоверения, выданного уполномоченным органом государства – участника Конвенции о дорожном движении, без учета истечения годичного срока с даты первого после получения иностранного национального водительского удостоверения въезда его в Российскую Федерацию, если (за исключением случая, когда национальное водительское удостоверение выдано гражданину Российской Федерации в Республике Беларусь) уполномоченными органами не будет установлен факт его нахождения в Российской Федерации не менее 183 календарных дней в течение 12 месяцев подряд.

3. Правоприменительные решения по делу гражданина Шахова Сергея Владимировича, основанные на пункте 12 статьи 25 Федерального закона «О безопасности дорожного движения» в той мере, в какой он признан не соответствующим Конституции Российской Федерации, подлежат пересмотру в установленном порядке.

4. Настоящее Постановление окончательно, не подлежит обжалованию, вступает в силу со дня официального опубликования, действует непосредственно и не требует подтверждения другими органами и должностными лицами.

5. Настоящее Постановление подлежит незамедлительному опубликованию в «Российской газете», «Собрании законодательства

Российской Федерации» и на «Официальном интернет-портале правовой информации» (www.pravo.gov.ru).

№ 21-П

Конституционный Суд
Российской Федерации